Константин Гречухин. Москва

Родился в Макарьевском районе Костромской области в 1977 году. Офицер запаса, в настоящее время работает в финансово-экономической сфере. Аспирант Московского государственного института международных отношений. Член Союза писателей России.

Константин Гречухин

Как жаль...

Получаю СМС: «Перенабери мне, пожалуйста».

– Здорово, Андрон!

– Привет! Сижу, вон, весь в трауре, – это я уже почувствовал по голосу. Мой друг явно употребил спиртное.

– А что случилось?

– Да, обезьяна умерла. Лежит, вон, вся окоченевшая. В коробочке, я её туда положил.

Я помню, как два месяца назад он её купил. Позвонил и сказал, что купил обезьяну, ямайскую макаку. Я был на работе и даже вышел из общего кабинета, так как друг был очень возбужден. Голос у него был необычный и радостный, как в детстве, когда в тебе ещё есть место для удивления и можешь искренне выражать это чувство. Обезьяна была для него в тот момент чем-то неизведанным и необычным. Я спросил, что сподвигло в здравом уме и доброй памяти пойти на такой поступок? Или ум всё же был не совсем здравый?

Андрей рассказал, как повёл своего шестилетнего сына и детей его друзей в кино на «Пиратов Карибского моря», где они увидели обезьяну. Сгоряча пообещал купить такую же. Потом сын, по всей видимости, заставил его выполнить обещание.

На самом деле, Андрею самому требовалось нечто, что может отвлечь от определённых мыслей, тяготящих и давящих. Вот уже год, как ушёл из крупной компании. Работал в престижной финансовой сфере, был хорошим специалистом. К его мнению прислушивалось руководство. Но вот настал такой момент – и совпал с началом кризиса 2008-го. Появилось много разногласий по поводу проектов компании. Андрей активно высказывался по поводу их решений, причем в жёстко-критичной форме. Он и раньше выступал с неполитичными предложениями, но, впрочем, конструктивными, а сейчас и подавно. Кризис гремел и ударял в первую очередь по крупным фирмам. В конце концов, мой друг не выдержал, точнее ему всё надоело (наверное, это одно и то же), и ушёл.

К тому моменту у Андрея был собственный бизнес по продаже детских товаров. Вдобавок он купил помещение в новостройке на первом этаже и стал независим от арендаторов.

О причине своего ухода друг сказал:

– Надоело! Пока буду развивать свой бизнес, надоело их бизнесам жизнь давать, да ещё с такими нервами. Отдохну, а дальше видно будет.

И если это «дальше» вначале имело какие-то очертания горизонтов его мечты и планов по её достижению, то по прошествии недолгого времени они стали исчезать и таять буквально в руках.

Так что планы планами, но реальная ситуация такова, что их осуществление сопрягается с определенными усилиями, которые сначала совсем не рассматриваются.

Андрей расслабился. Начал незаметно выпивать. Сначала пиво. Затем покрепче. Потом всё вместе.

Жена ругается. Сын растёт. Пока ещё не осознает, но явно чувствует, что что-то не так.

Сам глава семьи всё понимает, но от этого мало что меняется.

Я пробовал с ним говорить. Внушал: «Будешь пить – уйдут бизнес-отношения, перестанут общаться и, главное, доверять».

– Да ну! Ты что, всё нормально будет! Я всё контролирую!

У него и вправду были хорошие знакомства. Причём как среди ровесников, так и среди людей старшего поколения. Я ещё удивлялся, когда на день рождения друга приходили совсем уж взрослые товарищи.

И относились к Андрею с большим уважением, как к человеку авторитетному. Какой-то внутренний стержень у него. Невзирая на возраст, люди будто уступали ему своё эго.

Хотя он вёл себя достаточно естественно, без лишнего пафоса.

Потом друг прислал мне фотографии обезьянки, названной Джоном. Вживую я её так и не видел, времени к нему в гости заехать не было.

Андрей рассказывал про чудеса, которые обезьяна творила, бегала по всей квартире, пряталась. Постоянно, говорит, умираю со смеху.

– Так как же она умерла-то?

– Я убил. Лежит, вон, в коробке.

– Что значит «убил», специально что ли?

– Да нет, я так думаю. Она меня укусила, ну, ударил её. Вот и умерла.

– Что, прямо сразу умерла?

– Да нет, не сразу. Потом смотрю: мёртвая лежит. Я положил в коробочку, завернул. Сейчас хоронить надо идти.

– Сильно ударил?

– Да нет, не знаю, в общем. Сижу, вон, сейчас пью коньяк с утра самого. Полбутылки уже выпил. Свете позвонил (это жена его). Она тоже вся в слезах. Я говорю, давай новую купим. Она отказывается. Теперь со всех сторон себя виноватым чувствую. И жена будет упрекать, и я себя укоряю. Тяжело, жалко обезьянку.

Мы помолчали в свои трубки. Я ничего не мог спросить. Почему-то ситуация при всей трагичности казалась комичной. Вот была игрушка (хоть и живая), бегала, веселила, давала повод быть в хорошем настроении, отвлечься от мрачных и тяжёлых будней. А отвлечься ему было от чего.

И вот, раз! – так же игрушечно наступил её (игрушки-обезьяны) конец. Совершенно случайно кажущийся незначительным поучительно-воспитательный удар привёл к непредсказуемым последствиям.

Я чувствовал, как Андрею сейчас плохо. Наверное, алкоголь удерживал его психику от срыва. Он говорил мягко, сочувственно. Понимал, что уже ничего не вернуть, и знал, что впереди ждут мучительные мысли.

– Надо хоронить сейчас. Лежит на веранде в коробочке, вся окоченевшая, – он эту фразу постоянно в разных вариациях повторяет в течение всего разговора. – Не знаю, куда. Главное, чтобы собаки не отрыли.

Мне плохо от того, что хоронить надо. Вот пью и не знаю, как быть.

– Ладно, Андрон, всё хорошо будет! Обезьяну новую не покупай, не надо.

Я ещё немного ему посочувствовал.

Друг продолжил после недолгой паузы:

– Ты только никому не говори то, что я тебе сказал, даже в шутку. И при Свете тоже тему не поднимай, не надо.

Показалось, что он сознался в убийстве только мне.

– Да что ты, Андрей, конечно! Зачем?

Мы немного помяли слова сочувствия и расставания по телефону. Обещались быть на связи.

Перезвоню позже. Спрошу, как всё прошло.

Я позвонил вечером. Ответил он не сразу. Точнее, совсем трубку не взял, а чуть позже перезвонил. Голос был пьяным, но спокойным. Таким, что делайте, мол, со мной, что хотите! Как после пыток.

– Как ты?

– Плохо! – совсем тяжело произнёс он, с придыханием малых остатков воздуха в груди на последнем слоге. – Всё очень плохо. Света пришла. Хоронить скоро пойду.

– Так ты ещё не сделал этого?

– Нет. Жду темноты. Пойду, как ниндзя. Надо приложить камнями, чтобы собаки не достали.

– Так ты нормально всё делай, поглубже копай, потом можешь камнями. Не просто же ты её камнями заложить хочешь? Так никто не делает. Глубже копай, потом сверху можешь камнями заложить. Сделай всё по-человечески... – я задумался о том, насколько уместно было это выражение по отношению к животному.

– Да, я всё сделаю.

– Может тебе попросить кого-нибудь? – я чувствовал, что он настолько пьян, что вызывают сомнение его способности в этом состоянии делать что-либо.

– Нет, я сам.

Я не стал настаивать.

– Как Света, что говорит?

– Да, так. Выясняется всё.

– Так ты не сказал, как это произошло?

– Ну, нет. Так как-то.

Я догадывался, что сразу он не скажет. Если вообще скажет. Хотя, не сможет носить в себе, раскроется.

Наверное, не надо Андрея сейчас пытать, и так ситуация непростая. Наверняка он и не думал, что такое вообще может случиться. Ну, обезьяна и обезьяна, кусается, автоматически дал по голове…

Скончалась. Ей уже не хорошо и не плохо. А вот ему – ужасно! И как приходится жалеть о недавнем прошлом. Казалось бы, рукой подать! Вот вернуть бы тот миг, ведь совсем недавно был. Всего-то один, вроде незначительный, удар. А как разрывает душу!

Сейчас, когда идёт активное противостояние сторонников и противников участников конфликта между спортсменом и несостоявшимся студентом, где, грубо говоря, произошла аналогичная ситуация, хочется сказать всем остальным: «Не бей!» (речь идёт об обстоятельствах смерти Ильи Агафонова. – *Прим. ред.*)

Понятное дело, что спортсмен ну никак не хотел и не думал убить зарвавшегося парня. Как-то остановить его, тем более что тот превышал в размерах и массе не на один порядок. И мало ли какие действия он может дальше претворить в жизнь в своём состоянии (быть может и нетрезвом)?

Однако произошёл случай, который иначе как несчастным точно не назовёшь. Последствия тяжелы. А миг неосознанности не вернёшь!

Рассказ

Равиль Бикбаев. Астрахань

Родился в 1961 году. С 1980-го по 1982-й служил в Афганистане в 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде. В настоящее время живёт в городе Астрахань, работает юристом.

Равиль Бикбаев

Гори, гори,моя звезда

Смотрите, вон там, у старой чёрной школьной доски перед сидящими за партами учениками стоит краснеющий худенький мальчик, а учитель русского языка и литературы громко и с чувством читает его сочинение, каждый озвученный пассаж которого, слушатели встречают хохотом. Это были неблагодарные слушатели, а читали моё сочинение.

Учителем литературы в нашем классе была низенькая толстенькая женщина, голос у неё был противно писклявый и этим голосом она методично, предложение за предложением, расстреливала моё творчество. От кислоты её едких слов глаголы, существительные, прилагательные и даже знаки препинания, подчеркнутые красными чернилами, багровели от стыда. Именно тогда я впервые услышал свой диагноз и окончательный приговор: «Графоман». Я продолжал то краснеть, то бледнеть, а по окончании пытки сбежал с уроков домой.

Мне четырнадцать лет, и стыдно плакать почти взрослому парню, но, прощаясь с мечтой о литературе, дома я ревел, размазывая руками сопли по своему прыщавому лицу.

– Зато у тебя есть другие достоинства, – ласково утешала мама, узнавшая о моём позоре от классного руководителя. Прежде чем продолжить, она запнулась, судорожно пытаясь найти хоть какие-то достоинства в своём единственном и потому любимом сыне.

Я с надеждой смотрел на мать, может хоть она найдёт во мне положительные черты? Пусть немного, но они же должны быть?

– Ты выносишь мусор, убираешь квартиру и ходишь за хлебом, – наконец-то нашла хоть что-то хорошее мама и тут же критично, в воспитательных целях, уточнила: иногда, когда наорёшь на тебя.

Итак, в четырнадцать лет моя судьба определилась на долгие годы вперёд. Выносить мусор, убирать квартиру и ходить за хлебом. Этим и утешился, больше не дерзая обогатить неблагодарное человечество своими «великими» творениями.

– Кто сможет написать статью в стенгазету? – спрашивает у стоящих в строю курсантов замполит нашей роты.

– Я! – отважно выкрикиваю из строя. Несётся по казарме мой ликующий вопль, и злобно смотрят лишённые литературного таланта курсанты.

Мне уже восемнадцать, я курсант учебной десантной роты. Через десять минут наша рота побежит на тактику, потом марш-бросок, затем чистка оружия. Эти военные радости и приключения уже давно стоят поперёк горла. Да в самом-то деле! Я что, статейку нацарапать не смогу? Смогу! Что надо, то и смогу! Лишь бы не бегать в вонючем противогазе по сырым лесам.

Замполит смотрит с сомнением. В роте у меня плохая репутация, и единственное, что безбоязненно и с удовольствием доверяют, это чистить туалеты. Я заискивающе улыбаюсь офицеру. «Доверьтесь мне, товарищ комиссар! Я вас не подведу!» – вот что обещает широкая лживая улыбка. Наверное, замполит угадал во мне родственную душу: демагога, бездельника, убеждённого раздолбая – и потому поверил. А зря! Пока курсанты матерясь готовились к марш-броску с полной выкладкой, я, укрывшись в бытовой комнате, ещё пытался сочинять, но стоило им покинуть казарму, как в наступившей благостной тишине я задремал, а потом крепко и сладко уснул. Четыре часа безмятежно спал, склонив голову на стол. Очнулся, потянулся и побежал в канцелярию роты. Вхожу, докладываю о прибытии. Сияя улыбкой, встречает меня замполит.

– Как статья, готова? – спрашивает он.

– Ещё час работы! – нагло вру я.

– Ладно, ещё час, – верит мне замполит.

Пишу, горю, дрожу от творческих судорог, а заодно письменно и очень строго грожу НАТО и предупреждаю наших потенциальных противников, что хоть мы и за мир, но если чего, то огребут они по полной программе.

То, что НАТО не испугалось моей статьи и не огребло по полной программе, все знают. А о том, что в статье из двадцати строк было аж тридцать две орфографических ошибки, что наш замполит утратил веру в человечество и перестал доверять своей интуиции, – об этом я рискнул написать только сейчас.

«О, неблагодарное человечество! Никогда! Никогда я больше не буду писать!» – так обещал я себе, вычищая зубной щёткой овеянное военными легендами туалетное «очко номер восемь».

Была хмурая дождливая ночь, крепким сном спали порядочные курсанты, и только я, ушибленный литературой, драил загаженный солдатский сортир. Вот клянусь, что не буду писать!

– Ты чего всё пишешь и пишешь? – подозрительно спрашивает рослый, в обтрёпанном обмундировании солдат.

Он меня застукал на боевом посту в охранении. Наплевав на устав и, более того, подложив его под тощие ягодицы, я весьма вольготно устроился на бруствере окопа. В правой длани сжимаю стило – дешёвую шариковую ручку, – трагично морщу лоб, махая левой рукой, ловлю вдохновение.

Апрель одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Мне девятнадцать лет. Уже год, как призван в армию, и полгода, как тащу службу в Афганистане. Я теперь не курсант в учебной роте, а отличный пулемётчик, к тому же наглый интернационалист, умеющий неплохо драться «ветеран» и вообще…

– И вообще, не твоё это дело! – грубо отвечаю своему сослуживцу и с дерзким вызовом добавляю, – может, я стихи пишу.

– Стихи?! – удивился и обрадовался сослуживец, его загорелое круглое лицо расцвело улыбкой, и он тут же попросил, – а напиши мне что-нибудь эдакое в дембельский альбом.

– Да запросто, – самонадеянно согласился я.

Мировая (в масштабе батальона) литературная слава пришла моментально и авансом. Я ещё не успел написать стихи для первого альбома, как был завален заказами. А так как в своём «гении» теперь не сомневался, то писал сразу в дембельские альбомы, не утруждая себя черновиками и не согласовывая тексты с заказчиками.

Для тех, кто не знаком с армией, поясняю: дембельская форма и дембельский альбом – это святыня, которая для солдата де-факто превосходит по своей значимости воинское знамя, а за утерю знамени командиров частей в военное время расстреливают.

Меня не расстреляли, хотя, наверное, надо было. Зато хотели избить. Какие были в альбомах стихи? Цитировать не буду, а то ещё и вы пожалеете, что меня не расстреляли. Попрекнёте ребят излишним милосердием и слюнявым гуманизмом, а они это совсем не заслужили.

От лютой казни спас командир взвода. Он случайно услышал, как перед избиением в качестве приговора цитируют мои альбомные стансы взбесившиеся солдаты, вышел к нашей группе и…

– Вы что, сами не видите, что он дебил? – с грустью заметил лейтенант и угрюмо добавил, – да ну его к … тут не бить надо, а сжечь мерзавца на костре, да соляру переводить жаль, пусть уж живёт…

А мне с горечью бросил:

– Эх ты, графоман! Я тебе доверял, а ты…

Я молчал и думал о великой силе слова, которое чуть не довело сослуживцев до преступления, а образованного, знающего слово «графоман», командира до полной утраты доверия.

Долгие годы я держался от литературы как можно дальше, но произошло событие, которое вызвало рецидив дремлющей болезни. В Интернете я нашёл сайты artofwar.ru, okopka.ru и в кругу лиц, контуженных войной и пришибленных литературой, почувствовал себя как рыба в воде. Вот тут-то болезнь забушевала. Согнула меня эта зараза в три погибели, а я стал гнуться за компьютером. Днём, на работе, меня всем в пример приводили: «Вот как человек над документами работает, глаз от монитора не отрывает, себя не бережёт. Давно пора ему повысить ставки гонораров».

Я сильно сомневался, что за мои художества заплатят в денежной форме, но был уверен, что рано или поздно своё получу.

И получил.

– Это ваше произведение? – сурово спросил доверитель, показывая на экране монитора известный сайт, где «красовалась» и моя фамилия.

– Да, моё…

– Гм… – мрачно посмотрел он на меня, такого маленького в его большом кабинете, и с явным раздражением заметил, – ну, теперь-то я понимаю, почему заказанные мною документы не были готовы в срок, а дело проиграно в суде. Вы, оказывается, творили! Вот и натворили…

Помолчав, он дал рыночную оценку моему «гению»:

– Не смею более отвлекать вас от служения искусству. Дерзайте! А моими правовыми проблемами займётся более серьёзный и ответственный человек.

Короче, я остался без работы. Без работы – но при литературе. При литературе и на пятом-то десятке лет. Впору бежать к психотерапевту и молить: «Отец родной, излечи меня от этой напасти! Последние деньги отдам, только спаси!»

Личность в нашем городе я малоизвестная, если честно, то совсем не известная, но знакомых у меня полно. Через них я довольно быстро нашёл новую работу, но так как в профессиональном плане человек порядочный, то перед трудоустройством честно предупредил нового работодателя:

– Должен вам признаться, что я пописываю…

Крупный, солидный немолодой мужчина с сомнением посмотрел на меня и соболезнуя тихо спросил:

– И давно это у вас?

– С детства, – стыдливо прошептал я.

– У меня есть знакомый, он хороший врач-уролог, могу вас направить к нему, – быстро принял решение взять меня на работу мужчина и дорогой ручкой стал писать резолюцию на заявлении.

– Я пописываю в другом смысле, – поспешно уточнил я, – пишу всякие там рассказы, повестушки.

Директор задумчиво смотрел на заявление о приёме на работу. Я видел, как он мучительно размышляет: «Что делать? Скомкать заявление и выбросить его в корзину или рискнуть и принять на работу этого… Конечно, рекомендации у него неплохие, но он не только пописывает, но ещё и не стесняется в этом признаться. Да, есть над чем подумать…»

– А почему вы продолжаете это бессмысленное занятие и всё пописываете и пописываете? – язвительно подчеркнув последние слова, спросил он.

Почему? Да чёрт его знает почему! Нравится мне так, вот и всё. И, в конце-то концов, в нашей стране никому не запрещено посвоему сходить с ума.

Отвечать директору на вопрос я не стал, и он опять призадумался. Мысли явно проступали на его немолодом холёном лице: «Вежливо выставить этого безнадёжного идиота и графомана из своего кабинета и вернуться к текущим делам».

– В детстве я мечтал стать космонавтом, – негромко прервал он затянувшееся молчание, – но это не значит, что сейчас я буду строить космический корабль и полечу на нём к звёздам. Надо быть реалистом.

– И вы стали от такого решения счастливее? – мрачным тоном поинтересовался я и встал. – Было приятно с вами пообщаться, до свиданья.

– Рабочий день у нас заканчивается в восемнадцать часов, – ворчливым и недовольным тоном сказал директор, не глядя на меня, – а пока просмотрите состав задолженности и выскажите свои предложения по её взысканию.

Я проследил за его взглядом. Он смотрел на великолепно исполненную карту звёздного неба, закреплённую на стене кабинета. Звёзды на ней, как живые: близкие и далёкие, нежно зовущие и недосягаемые. Наверное, эта карта – кусочек детской мечты, запретная для других территория души, где всё ещё живёт мальчик, мечтающий о полёте к звёздам.

Мы все мечтали достичь звёзд. Человек живёт полной жизнью только тогда, когда есть желание стремиться к мечте, когда он хочет долететь до своего солнца – звезды. Долететь, даже если знает, что может сгореть.

Иногда я выхожу ночью во двор и смотрю в бездонно-прекрасное небо и вижу, пока ещё вижу, свою звезду. Ну, здравствуй! Ты не устала? Нет?! Тогда гори, сияй, моя звезда!

И твоя тоже, и его! Пусть они сияют и дают нам свет, тепло и надежду…

Первое Международное совещание молодых литераторов в Переделкино: проза